

УДК 821.161.1-3  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Т65

Оформление серии и обложки:

*Александр Кудрявцев,*

студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Иллюстрация на обложке *Ирины Ветровой*

**Трауб, Маша.**

Т65      Всегда кто-то платит / Маша Трауб. — Москва :  
Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104181-6

Четыре женщины и один мужчина. Чужие, посторонние люди, слишком разные, чтобы их объединило даже общее горе. И главный для них вопрос – кто виноват в этом горе и кто будет платить по счетам? Потому что всегда кто-нибудь платит.

*Маша Трауб*

**УДК 821.161.1-3**

**ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Трауб М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2020

**ISBN 978-5-04-104181-6**



## Ксения

Наверное, она его любила. Не знаю. Мне было семнадцать, когда мама вышла замуж, и, если честно, мне было наплевать. У меня давно была своя жизнь. Даже дома я не замечала изменений и плохо помню то время. Обрывками, отрывками, деталями. Наверное, в этом заключается мое счастье и спасение — я плохо все помню. Даже лица и имена. У меня избирательная и короткая память. Так было и в раннем детстве, и в школе. Кто-то помнит, за какой партой сидел, как звали лучшую подружку, телефон первого мальчика — любви всей жизни. Мама считала, что я — форменная эгоистка, раз даже дату ее дня рождения забываю. Так что я стеснялась признаваться в том, что у меня есть такая особенность, считая это проявлением эгоизма.

Мне бы все равно никто не поверил, если бы я призналась, — тщетно пытаюсь запомнить имя незнакомого человека, я спокойно выучивала

## Маша Трауб



наизусть огромные куски прозы. В школе мне ставили двойки за изложения — учительница считала, что я списываю. А я запоминала текст дословно, включая знаки препинания. Научилась маскироваться и всячески скрывать, что мне досталась такая избирательная память. Меня считали очень вежливой девочкой — я всегда со всеми здоровалась несколько раз в день, казалась приветливой. Никому и в голову не приходило, что я просто не помню — виделась я с этим человеком или нет. Если я не звонила мальчику — первой любви, — он страдал, считая меня недоступной и бессердечной. А я была бы рада позвонить, но не помнила номер. Завела записную книжку, но и это не помогло — я фиксировала номера, имена, но не могла вспомнить, кто это.

Сейчас мне кажется, что это была защитная реакция детского организма, который стирал неприятные воспоминания. Но тогда моя память и невозможность признаться в собственных странностях доставляли мне массу неприятностей. Мама обижалась. Подруг у меня, можно сказать, не было — они тоже все были обидчивые. Первый мальчик — любовь всей жизни — переключился на мою подружку, поскольку не мог дожждаться от меня звонка. Позже, уже в институте, у меня появилась подруга Оля, которая

все всегда помнила. И я стала жить ее памятью. Она не знала, что у меня есть проблемы, но спокойно и размеренно напоминала: это же Катя, она учится во второй академической группе, мы с ней ходили в кино на прошлой неделе. Или: это аспирант, он вел у нас семинар. Я была благодарна подруге за сухие дельные комментарии. За ее память, которой хватало на двоих. А еще за то, что Оля считала меня нормальной, просто «невнимательной». И ей не составляло труда напоминать мне о важных вещах — как зовут преподавателя, какого числа нужно кого-то поздравить.

Я пыталась запечатлеть в памяти лица, цепляясь за яркие приметы, и отмечать характерные особенности внешности. Но стоило преподавательнице сменить цвет волос и прическу, по которой я ее опознавала, она становилась для меня незнакомым человеком. Парень, который был влюблен в меня на первом курсе, меня бросил. И больше со мной не разговаривал. Я не могла ему объяснить, что не виновата. Мы не виделись три месяца. Он так растолстел, что я его не узнала и прошла мимо. Когда он ко мне подошел, я вежливо поздоровалась и так же вежливо и приветливо улыбнулась. Он счел это издевательством, обиделся и быстро нашел мне замену. Но

## Маша Трауб



в разрыве была виновата я, потому что его «отшила».

— Оль, это кто? — спросила я подругу.

— Дима. Ты его бросила и теперь он с Дашей. Даша учится на экономическом, — как всегда деловито выдала информацию Оля.

— Я его не узнала, — призналась я.

— Ничего удивительного. Я его сама не сразу узнала, — спокойно ответила Оля, за что я ей была благодарна.

Я начала вести дневник — каждый день записывала события минувшего дня. И каждое утро прочитывала собственные записи. Это помогало, но не сильно. Я могла в мельчайших подробностях описывать восхитительную брошку преподавательницы, но, если преподавательница меняла украшения, я ее не узнавала.

С годами я научилась жить с этим свойством памяти, справляться. Научилась запоминать. Но тот период все равно помню плохо.

— Кто это? — спрашивала я Олю, которая долгие годы оставалась моей лучшей подругой. И с ее памятью по-прежнему было все в порядке.

— Это наша однокурсница. Сидела всегда справа во втором ряду. Она вышла замуж на втором курсе, на третьем развелась. Ты с ней была

в одной группе. Она приносила фотографии ребенка. Мальчик. Назвали Кириллом. Мужа звали Тимофеем. Потом она снова вышла замуж.

Я всматривалась в женщину, которая сидела в дальнем конце стола на встрече однокурсников, и не помнила ее совершенно. Блондинка, самая обычная, слегка одутловатая и придурковатая. Резкий, раздражающий голос. Я ее не помнила. Но приветливо улыбалась на всякий случай. Я умела приветливо улыбаться.

Почему я об этом рассказываю? Чтобы объяснить свои последующие действия. Я вела себя так, как подсказывала или, скорее, не подсказывала мне память.

Кстати, благодаря столь своеобразному заболеванию, я быстро нашла работу. Да, на работу я вышла рано. Пришлось. Моя мама считала, что я давно повзрослела. Она и в детстве разговаривала со мной как со взрослой. И удивлялась, что я прошу на Новый год куклу или плюшевого медведя. Маму я очень любила, поэтому не хотела ее расстраивать. Чтобы завоевать мамину симпатию или даже восхищение, я читала книги не по возрасту, в которых не понимала ни строчки. И варила себе суп в том возрасте, когда родители вообще-то еще должны волноваться — не обожжется ли ребенок.

## Маша Трауб



Так вот на работу я устроилась на первом курсе института, соврав, что учусь на третьем. Не потому, что так мечтала о взрослой жизни и самостоятельности. Больше всего на свете я мечтала о заботе — о горячих завтраках, которые готовила бы мама, и проводах меня в институт на лекцию. А потом — о веселых посиделках с друзьями, поездках не пойми куда и новом платье.

Вообще удивительно, что я поступила в институт. Школьного выпускного у меня не было. Ни на какие курсы я не ходила, с репетиторами не занималась. Мама вряд ли заметила, что я окончила школу — вопроса про оценки в аттестате она не задавала. Кем хотела стать, я тоже не знала — никто меня об этом не спрашивал. Аттестат у меня был, кстати, нормальный — без троек, но и без блеска. Твердая незаметная хорошистка. Амбиций — ноль. Нет, один раз мама все-таки удивилась: когда я уже три дня сидела дома и никуда не выходила.

— Тебе разве никуда не нужно идти? — спросила мама. Прежде чем произнести «никуда», она запнулась. Куда? Куда ходит ее дочь? В школу? Не в школу? Но куда-то ведь ходит каждый день.

И я решила, что не буду волновать маму. Раз она привыкла к тому, что я куда-то хожу, значит, буду ходить. Моя соседка по парте Даша поступа-

ла на исторический, так что я особо не мучилась с выбором факультета. Дашка, узнав, что я хочу поступать вместе с ней, истерически закричала от радости.

Кстати, она-таки не поступила и от обиды перестала со мной общаться. Почему поступила я? Не знаю. Наверное, потому что совсем не нервничала. Мне было все равно. Я сдавала экзамены спокойно, даже с легким, совершенно искренним равнодушием. Экзаменаторы, наверное, подумали, что я знаю больше, чем хочу показать. И мое равнодушие было расценено как уверенность в собственных знаниях. Плюс моя дурацкая память. Я не могла запомнить мамин день рождения, но ничего не значащие для меня даты отлетали от зубов. Я поразила преподавателей знанием дат. Смешно, конечно.

Жизнь опять пошла своим чередом — я уходила по утрам в институт, и мама, наверное, была довольна.

Я все время пишу «наверное», потому что точно ничего не могу сказать. Мне так кажется, я так думаю. Но так ли это на самом деле — не знаю.

— Мам, мне нужны деньги, — попросила я как-то. Обычно деньги лежали в тумбочке в коридоре. Ящик был кошельком. Оттуда можно было взять деньги на хлеб, на еду и на все



остальное. Мама никогда не спрашивала, куда делся рубль. Она вообще не помнила, сколько в тумбочке лежало денег. И никогда бы не стала их пересчитывать или сверяться с чеками. Впрочем, в этом и не было необходимости — я оказалась прижимистой девочкой, даже жадноватой. И лишнюю копейку на конфеты ни за что не потратила бы. Раз в неделю я могла купить себе пирожное или мороженое, но понимала, что коробка фломастеров нужнее. И листы для черчения тоже нужнее. Сколько денег в тумбочке, я знала до копейки. Поскольку поступления были нерегулярными, я бы даже сказала спонтанными, мне пришлось научиться экономить и рассчитывать. Иногда мама могла бросить в тумбочку крупную купюру. А иногда приходилось выгребать мелочь, шаря по дну ящика в надежде найти закатившуюся в дальний угол монетку.

В один прекрасный день я открыла ящик и испугалась — денег не было вообще. Ни копейки. Ни одной монетки. Мне и правда стало страшно. Я даже подумала, что это я виновата — потратила и не заметила, что забрала все деньги. Но поскольку со мной такого никогда не случилось, то я решила, что, возможно, это случилось со мной во сне. Бывают же лунатики, которые ходят по ночам, а утром ничего не помнят. Мо-

жет, я тоже лунатик? Поскольку я опять же знала за собой только один недуг — странную память, то я не придумала ничего лучше, чем пойти к маме.

— Мам, мне нужны деньги, — попросила я.

— Деньги? Разве ты не работаешь? — искренне удивилась она.

Тут я подумала, что моя болезнь — наследственная. Наверное, у моей мамы тоже такие особенности памяти, раз она не помнит, что мне всего семнадцать лет и я только что поступила в институт. Может, она и меня не помнит? Да, она иногда словно недоумевала, видя меня по утрам на кухне. Будто наткнулась на незнакомого человека, который пьет чай из ее чашки. Тогда я решила, что это проявление болезни и мне действительно пора искать работу.

В силу моего возраста, дневного обучения и отсутствия всякого опыта и трудового стажа, а также отсутствия связей и влиятельных родственников, которые могли бы попросить «за девочку», найти работу было не так-то легко. Я могла претендовать разве что на место помощника второго помощника главного помощника руководителя или третьей секретарши. Впрочем, я была согласна на любую работу, но во второй половине дня. И чтобы мне платили хоть какие-



то деньги. Желательно два раза в месяц — аванс и зарплата. Тогда бы мне было проще рассчитать свой прожиточный минимум.

Я сидела в очередной конторе, ожидая собеседования, и гадала — куда же все-таки исчезли из тумбочки деньги? Я уже понимала, что работу мне найти в общем-то не светит и проще разгадать загадку тумбочки. Ведь это странно — столько лет деньги лежат в одном и том же месте и вдруг исчезают. Каждое утро я открывала ящик в надежде, что там появятся деньги, что все будет как прежде. Я даже зажмуривалась на секунду, но нет — чуда не случилось — ящик оставался пустым. Почему мне не пришло в голову спросить у мамы? Мол, вот всегда деньги лежали в ящике, а вдруг исчезли. Почему? А снова появятся? Мне не приходило в голову сказать маме и о том, что деньги нужны на учебники, тетради, ручки. Почему? Я ведь ей даже не сказала, что поступила в институт. А маме не приходило в голову спросить, не нужно ли мне чего-то и чем я занимаюсь целыми днями.

Да, у нас с мамой были странные взаимоотношения. Но тогда я так не считала. Даже когда увидела, как родители, да еще и бабушки приезжали на экзамены к своим детям и внукам. Родственники стояли или сидели на лавочках во дворе

перед зданием института и волновались. Меня тогда это просто потрясло. Столько их. Они нервничали, переживали. Мамы перекладывали бутерброды. Беспокоились, не забыли ли термос с чаем. С Олей я так и познакомилась — ее мама выдала мне бутерброд. Из вежливости я, конечно, отказалась, но она просто заставила меня его съесть. Мне было приятно. Олину маму я запомнила на всю жизнь, так остаются в памяти самые лучшие, самые счастливые моменты. У нее была шикарная прическа. Удивительный пучок на затылке. Мне очень понравились пучок и гребень, воткнутый для красоты. Гребень я запомнила очень хорошо.

Но даже тогда я не заметила, что у нас с мамой что-то не так. Я тогда вообще не думала о том, как должно быть. Что считать правильным, а что неправильным. Что хорошо, а что плохо. Меня больше волновал ящик тумбочки, из которого исчезли деньги. И почему вдруг мама стала такая странная — она жила глазами внутрь.

Такое свойство я замечала у беременных женщин, которые встречались мне на детских площадках, в магазинах, в общественном транспорте. Меня это просто завораживало. Я с легкостью могла определить — беременна женщина или нет. Они все были глазами внутрь. У мам малень-